

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Б.Н. Миронов

ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена добровольным общественным ассоциациям в России конца XIX — начала XX в. Их число и общественная активность рассматриваются как показатель зрелости гражданского общества.

Ключевые слова: добровольные общественные ассоциации; гражданское общество; позднеимперская Россия.

Keywords: voluntary public associations; civil society; late-imperial Russia.

До Великих реформ 1860–1870-х гг. податное городское население, как и крестьяне, *принудительно* объединялось в социальные корпорации — приходы, слободские и посадские общины, цехи, мещанские и купеческие общества, купеческие гильдии и др., а в добровольных объединениях, или ассоциациях, практически не участвовало. Напротив, неподатное население (дворянство, духовенство, разночинцы) не знало принудительных социальных корпораций, а начиная с последней трети XVIII в. стало объединяться в разного рода добровольные ассоциации — общества, клубы, салоны, ложи. Добровольной ассоциации свойственны три основные черты: (1) она образована для защиты общих интересов ее членов; (2) она не связана с местными или центральными государственными органами власти; (3) членство является добровольным, в любой момент существует возможность выйти из организации, если не устраивает ее деятельность. Напомним, что добровольные ассоциации возникли в России по инициативе иностранцев в 1760-е гг. — по крайней мер, на столетие позже, чем в Англии — родине ассоциаций. В екатерининское царствование появились ассоциации различных типов: просветительские и образовательные общества, призванные пропагандировать общепользные знания (например, Вольное экономическое общество), ассоциации для совместного времяпровождения (как, например, основанный в обеих столицах Английский клуб), а также тайные общества (например, масонские ложи). Именно в екатерининское царствование в России начинается генезис гражданского общества. И это не случайно: возникновение добровольных обществ — признак зарождения гражданского общества.

До Великих реформ ассоциации развивались медленно по причине трудности открытия (требовалось разрешение императора), но главным образом из-за слабости общественной инициативы. В 1860-е гг. утверждение уставов обществ переходит к министрам, с середины 1890-х гг. — к губернаторам. В 1906 г. Временные правила об обществах и союзах ввели явочный порядок открытия обществ и административный порядок их регистрации, запрещения и закрытия. Специально учрежденные в губерниях по делам об обществах присутствия, составленные из представителей коронной администрации, земского и городского самоуправления, регистрировали, контролировали, приостанавливали и закрывали общества, если их деятельность отклонялась от устава. В апреле 1917 г. был введен судебный порядок регистрации и закрытия.

Облегчение учреждения обществ и рост общественной инициативы способствовал увеличению их числа. Если в середине XIX в. добровольных обществ (благотворительные, религиозные и студенческие организации, клубы и др.) насчитывалось нескольких десятков, то в 1861–1870 гг. возникло 214, а после провозглашения свободы организации обществ и союзов к 1910 г. возникло 4800 организаций (Ануфриев 1917: 39). В пореформенное время значение принудительных корпораций падало, а добровольных объединений возрастало; декорпорирование общества совпало с эмансипацией и развитием добровольных ассоциаций. И это тоже не случайность — ассоциации стали заполнять возникающий организационный вакуум, вызванный упадком принудительных корпораций.

Виды добровольных обществ

В пореформенное время в городах действовало множество добровольных ассоциаций с широкой амплитудой деятельности. Подчеркнем, что деятельность ассоциаций изучена пока недостаточно*, и наш анализ основан преимущественно на данных об ассоциациях в Тамбове (Туманова 1999; 2002; 2003), городах Ярославской и Костромской (Бердова 1998; Соболева 1993), Пермской (Андреева 1993; Дашкевич, Корсунова 1997: 170–195; Пирогова 1989; 1998; 1998; 1999; Зорина 1995) и Казанской (Зорин, Ключина 2000; Хэфнер 2000) губерний. Для удобства характеристики разделим ассоциации на семь групп.

* Общие работы по истории общественных организаций: (Ануфриев 1916; Степанский 1977; 1979; 1980; 1982; Раскин 1996; Туманова 2008; Макарихин 1991). Существует значительная дореволюционная литература о добровольных профессиональных обществах, см., например, об ассоциациях учителей: (Жулев 1912; Профессиональные учительские организации... 1915; Чарнолуцкий 1912; 1901). О клубах и салонах см.: (Аронсон 1929; Барсуков 1901; Бродский 1930; Гиляровский 1968: 235–261; История русской литературы... 1993: 376–384; К истории Московского английского клуба... 1889; Клуб б. г.; Комиссаренко 1997; Московское купеческое собрание... 1914; Науменко... 1889; Петров 1995; Туев 1893). Большой интерес к общественным организациям в рамках большой проблемы становления гражданского общества в России проявляют зарубежные историки: (Бредли 1994; Линденмайер 1992; Кимбэлл 1992; Bernstein 1996; Bradley 1991; Russia's Parliament of Public Opinion... 1995; Friedan 1981; Holmgren 1996; Lindenmeyr 1990; 1996; Ruane 1994; Sandler 1989).

(1) *Ассоциации, связанные с церковью*, занимались миссионерской деятельностью, распространяли православные взгляды и религиозную литературу, развивали чувство патриотизма, изучали историю церкви и религиозной жизни, помогали паломникам в Святые места, устраивали церковные праздники и т.д.: религиозные братства, церковные исторические (историко-археологические) общества, Православное палестинское общество с отделениями почти в каждой губернии, общества хоругвеносцев, любителей церковного пения, православных русских женщин и др. Сам церковный приход можно рассматривать как общественную всесословную организацию верующих, ведущую свое происхождение издревле. При крепостном праве для податного населения это была скорее принудительная организация, к которой приписывался конкретный человек, обязанный там исполнять все христианские ритуалы — креститься, исповедоваться, венчаться, быть отпетым и т.д. После Великих реформ приход эволюционировал в сторону добровольной ассоциации вследствие большой мобильности населения и освобождения от круговой ответственности в 1866 г. городских обывателей и в 1903 г. крестьян. При церквях действовали церковно-приходские советы, которые устраивали собрания прихожан для обсуждения вопросов о попечительстве бедных, нравственном, умственном и религиозном воспитании прихожан, занимались вопросами ремонта церковей и др. В городах было несколько приходов; в них имелись советы, которые координировали свою деятельность, проводя общие собрания членов всех церковно-приходских советов данного города.

(2) *Общества взаимопомощи и экономические ассоциации* имели целью помогать своим членам хранить сбережения, выгодно их вкладывать, ссужать необходимые для торговых и промышленных оборотов капиталы, защищать интересы отдельных социальных и профессиональных групп, страховать и охранять имущество и т.д.: ссудосберегательные кассы, общества взаимного кредита, общества взаимного вспомоществования, общества потребителей и взаимного от огня страхования. С точки зрения членства, это были наиболее демократические ассоциации — в состав некоторых из них входили, правда, в небольшом числе даже мещане, ремесленники и крестьяне.

(3) *Благотворительные и попечительские общества* содержали богадельни, воспитательные дома, больницы, оказывали бедным медицинскую и всякую другую помощь — обеспечивали жильем, лекарствами, пособиями, учащихся — стипендиями и т.п.: попечительные о тюрьмах, о бедных, о детях и т.п. общества, дамские благотворительные общества, общества вспомоществования пенсионерам, неизлечимо больным, детям и т.п., общества защиты несчастных женщин, общества покровительства животных, общества трезвости, общества попечения о больных и раненых, Красный крест. Все они устраивали спектакли, концерты, танцевальные вечера, лотереи со сбором пожертвований.

(4) *Общества в сфере искусства и культуры* объединяли любителей сценического искусства, музыки, изящных искусств, хорового пения, литературы, камерного музицирования и т.п.; устраивали выставки, концерты,

спектакли, музыкальные, литературные и художественные вечера, помогали артистам, художникам и музыкантам, пропагандировали искусство, издавали книги и журналы. Члены этих обществ усваивали и пропагандировали западноевропейскую высокую культуру, которая до тех пор была почти исключительной привилегией дворянства. Благодаря этому искусство становилось доступным широкой публике, превращаясь из элитного в искусство среднего класса.

(5) *Научные, культурно-просветительские, краеведческие и ассоциации профессионального совершенствования:* общества естествоиспытателей, врачей, любителей словесности, археологии, истории и этнографии; физико-математическое, юридическое, педагогическое, экономическое, техническое, фотографическое, сельского хозяйства (некоторые из перечисленных возникли в дореформенное время). Все они проводили разнообразную деятельность: способствовали распространению общих и специальных знаний посредством публичных курсов, лекций вечерних занятий для взрослых, создавая библиотеки, народные университеты, музеи, зоологические сады; слушали и обсуждали научные доклады, присуждали премии, медали и другие почетные награды за достижения в различных сферах деятельности — в области науки, сельского хозяйства, фотографии и т.д., печатали научные труды, предоставляли специалистам возможность обмениваться мыслями по своей специальности, поддерживали контакты с зарубежными коллегами; изучали прошлое и настоящее края в естественном, медицинском, историческом и культурном отношениях (например, юридические обычаи местного населения, местные причины болезней); оказывали материальную и моральную поддержку нуждающимся коллегам, занимались улучшением условий быта, помогали в поисках работы, учреждали стипендии и выдавали пособия учащимся; снаряжали экспедиции и экскурсии (для исследования флоры и фауны, проведения археологических раскопок, изучения опыта передовых хозяйств); открывали лечебницы и амбулатории, станции и дежурства врачей, устраивали выставки и аукционы.

(6) *Клубы и общества по проведению семейного досуга* объединяли преимущественно богатых и привилегированных лиц — дворян, купцов, офицеров и лиц интеллигентных профессий для приятного времяпрепровождения: дворянские собрания, купеческие клубы (собрания), военные собрания, шахматные клубы, общества охотников, рыболовов, садоводов и т.п., спортивные общества (яхт-клубы, общества любителей гимнастики, велосипедистов, конного спорта). Эти общества являлись замкнутыми элитарными клубами, ориентированными на дорогие увеселительные мероприятия вроде охоты, спортивных соревнований, танцев, карточной игры, посещения буфета. Широкие массы населения, примерно 95 %, — крестьяне, мещане и ремесленники, а также учащиеся, кадеты, солдаты — и оставались за бортом. Кроме социальной интеграции элиты, клубы выполняли также функцию свадебной биржи. Вместе с тем элитарные клубы являлись новыми, внесословно устроенными центрами местного общества, где формировалось общественное мнение; они способствовали трансформации сословной структуры общества в классовую.

(7) *Тайные политические и религиозные ассоциации* объединяли граждан, не лояльных к существовавшему политическому режиму и официальной православной церкви. Такого рода организации существуют главным образом в государствах, где отсутствуют либо ограничены политические и религиозные свободы, к которым относилась Россия до 1917 г. Цели политических ассоциаций варьировали от пропаганды либеральных, радикальных и других оппозиционных идей до изменения политического строя. Религиозные ассоциации консолидировали и защищали единоверцев и создавали возможности для отправления культа. Старообрядческие общины, возникшие во второй половине XVII в., масонские ложи, появившиеся в России в 1730-е годы, и декабристские общества являлись типичными для России тайными религиозными и политическими ассоциациями. Особенно популярны были религиозные организации, объединявшие миллионы россиян. По переписи 1897 г., одних старообрядцев насчитывалось в империи 2,2 млн человек (Первая всеобщая перепись... 1905: 92).

Значение добровольных ассоциаций

Добровольные самодеятельные ассоциации за небольшим исключением концентрировались в городах и ограничивали свою деятельность их рамками. Лишь немногие из ассоциаций (некоторые благотворительные общества, клубы) зародились в крепостное время, преобладающее число — в пореформенную эпоху, когда в России повсеместно наблюдался подъем общественной активности. Большинство ассоциаций возникало по инициативе снизу без непосредственного вмешательства местной власти, хотя и с ее санкции, а некоторые при ее поддержке. Источниками их финансирования были добровольные членские взносы, благотворительные акции, частные пожертвования. Казенные дотации случались редко и предназначались, как правило, на конкретные дорогостоящие проекты, имеющие государственную значимость. Свидетельством в пользу спонтанного происхождения служит и факт их высокой мобильности — большинство из них, просуществовав несколько лет, уходило со сцены, уступая место новым, иногда возрождались и снова исчезали.

Коронная администрация следила, часто формально и поверхностно, за деятельностью добровольных самодеятельных ассоциаций. «Губернское по делам об обществах присутствие» рассматривало и утверждало их уставы, контролировало текущую работу, преследовало инакомыслие, требовало поддержки казенного патриотизма, распространяло те формы организаций, которые казались ему полезными — это касалось в первую очередь религиозных, благотворительных, военных организаций, обществ трезвости и обществ потребителей. Кроме того, в ассоциациях, причем на руководящих постах, находились чиновники, включая профессоров, учителей, судей, а также высокопоставленных государственных сановников, которые старались привнести в деятельность обществ государственные идеи и задачи. Несмотря на административную опеку — ее степень и значение не следует преувеличи-

вать! — в крупных городах, где имелись многочисленная общественность и материальные средства, самостоятельная общественная жизнь в ассоциациях развивалась быстро и успешно. В большинстве же малых городов дело часто носило внешний, формальный, показательный характер; ассоциации возникали по инициативе сверху и часто не вели активной работы, а лишь числились на бумаге и в отчетах. Один современник писал об общественной жизни Царевококшайска: «Во главе русского населения стоят, разумеется, уездные власти и чиновники разных ведомств. Такой интеллигенции вместе с их семействами наберется в городе довольно много, но общественная жизнь здесь вовсе не развита: вражда и деление на маленькие враждебные между собой кружки и здесь процветает так же, как в наших больших городах. А поэтому *не существует почти никаких общественных учреждений, кроме казенных и полуказенных*. Здесь есть Братство Св. Гурия, Благотворительное общество, Общество трезвости. Общество потребителей, но все это живет через пень колоду, потому что *отбывается как тяжкая повинность*: есть тело, но нет души» (Зорин, Ключина 2000: 466).

Численность отдельных ассоциаций колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек. В городах Казанской губернии пореформенного времени источники зафиксировали около 100 ассоциаций, включавших в свои ряды от 60 до 1157 человек, в губернском городе Тамбове в конце XIX — начале XX в. действовало 69 ассоциаций численностью от нескольких десятков до тысячи членов (Туманова 1999: 135). Средняя численность двадцати казанских обществ в начале XX в. составляла 190 человек (подсчитано мною по: Зорин, Ключина 2000). Следовательно, все 100 обществ за 1861–1914 гг., за более чем 50 лет, вовлекли в свой состав менее 24 тыс. членов; при этом многие, в особенности почетные члены и учредители, участвовали одновременно в нескольких обществах. Даже в больших городах, например Казани со 190 тыс. населения, в начале XX в. в списках всех элитных клубов и обществ числилось лишь около двух тыс. человек, т.е. менее 5 % совершеннолетнего мужского населения города (Хэфнер 2000, с. 467, 494). Интересно, что это примерно соответствовало доле цензовых граждан, имевших избирательные права по выборам в земства, городские думы и Государственную думу. В современных США, которые считаются страной добровольных ассоциаций, более 75 % взрослых американцев обоего пола входят по крайней мере в одну из них (Смелзер 1994: 172). Но в США первые добровольные ассоциации появились в начале XVII в. вместе с белыми колонистами, а в России — в 1760-х годах. Уже в 1835 г. Алексис де Токвиль свидетельствовал, что ни в одной стране мира принцип ассоциации не применяется так успешно и не охватывает столько людей, как в Америке.

Нельзя не отметить слабую активность членов, большинство которых либо были «мертвыми душами», либо предпочитали пассивно пользоваться услугами, предоставлявшимися ассоциациями, но игнорировали организационные мероприятия — обсуждение устава, отчетные собрания и т.п. Часто общие собрания за неимением кворума, требовавшего присутствия лишь трети членов, не проводились. Низкая активность подорвала бы нормальную деятельность ассоциаций, если бы в уставах не было пункта, что заседания,

не состоявшиеся из-за отсутствия кворума, назначаются вновь и независимо от числа собравшихся принимают обязательные решения.

Несмотря на слабую общественную активность, значение добровольных ассоциаций в общественной жизни было намного больше, чем можно предположить на основе членства. Проводимые ими публичные лекции, спектакли, вечера, состязания и т.д. повышали культурный, профессиональный и образовательный уровень участников, заполняли досуг большого числа горожан интересными и сравнительно недорогими мероприятиями. Например, в праздниках, устраиваемых в 1909–1914 гг. казанским «Новым клубом» — самой многочисленной ассоциацией города, принимало участие по 30–45 тыс. — огромное для 190-тысячного города число людей — от 12 до 24 % всего населения города (Хэфнер 2000: 490).

Деятельность большинства ассоциаций, будь то профессиональные, любительские, спортивные, медицинские или просветительские, была более разнообразной, чем следовало из их названия, а часто и устава — почти все они занимались благотворительностью и просветительством, а также организацией досуга своих членов. Ассоциации взяли на себя некоторые общественные функции, которые до Великих реформ находились в ведении государства, — образовательную, просветительскую, социальную, благотворительную и другие; постепенно осваивали и политическую функцию. Политизация объяснялась тем, что по городскому законодательству юридические лица имели избирательное право, если они являлись собственниками недвижимости или располагали торговыми патентами (а все ассоциации таковыми являлись). С образованием Государственной думы само правительство стало привлекать их для решения политических задач, правда, не прямо, а опосредованно, через консерваторов. К категории политизированной ассоциации принадлежал Русский национальный клуб, который появился в 1911 г. сначала в Петербурге, а затем и в провинции. Его основатели стремились консолидировать все лояльные правительству силы для победы в предстоящей избирательной кампании в Государственную думу четвертого созыва. Таким образом, поле деятельности ассоциаций постоянно увеличивалось, и в первое десятилетие XX в. их активность вышла за рамки городской политики и они стали непосредственно формировать общественную жизнь городов.

В ассоциациях происходила надсословная, надэтническая и надрелигиозная социализация, которая не зависела больше от дворянских, купеческих или мещанских взглядов и практик, что превращало общества в рассадники модернистской, прозападной культуры. Дворяне, чиновники, предприниматели и лица свободных профессий, интегрированные в объединения, формировали средний класс — элемент новой классовой социальной структуры, которая не ориентировалась больше на сословное определение социального статуса. Можно сказать, что ассоциации выполняли функцию тигля, где формировался средний класс — ядро гражданского общества.

В ассоциациях осуществлялась общественная деятельность (к которой, несомненно, следует отнести и досуг), не обусловленная ни принудительной принадлежностью к корпорации, ни государственными или корпоративными обязанностями, ни круговой ответственностью. Ассоциации играли важную

роль образовательных учреждений; это были школы свободной, добровольной, индивидуальной деятельности в обществе. Поскольку все ассоциации в пореформенное время придерживались общих для всех принципов свободного членства, демократизма и гласности, то их члены имели постоянную возможность использовать принципиальные демократические процедуры, такие как участие в собраниях, баллотировка, публичные выступления, выборы, утверждение устава или бюджета, обязательная отчетность, контроль, отстаивание групповых интересов, поиски компромиссов и т.д. Конечно, некоторые демократические процедуры использовались и в принудительных корпорациях, однако не столь четко, ясно, правильно и формально. Знание демократических практик, несомненно, применялось членами ассоциаций, когда они начинали заниматься общественной деятельностью. Например, в Казани из 426 избранных в Городскую думу гласных в промежутке между 1870 и 1913 гг. более 60 % были членами ассоциаций, где они прошли школу общественной деятельности (Там же: 521).

Но была и негативная для формирования гражданского общества сторона в деятельности ассоциаций — членство в объединениях было средством отделения, в особенности от «низов». Ассоциации выделяли, теперь не по сословному, но по экономическому признаку, из огромной массы населения привилегированный слой, обособляли его и прививали ему прозападную культуру. Членами ассоциаций являлись главным образом образованные и состоятельные люди, а также учащаяся молодежь, происходившая в значительной степени из привилегированных слоев. Даже в самых демократических обществах взаимопомощи и хозяйственно-экономических ассоциациях крайне редко можно было встретить мещан, ремесленников, рабочих или крестьян по социальному происхождению — участие в обществах требовало средств, хотя бы для уплаты членских взносов, грамотности, приличной одежды и досуга, что у перечисленных групп населения всегда было в дефиците. Но, если простолыдину удавалось проникнуть в элитную ассоциацию, путь наверх был гарантирован. Вхождение в клуб служило входным билетом в элиту. Правда, счастливых насчитывалось единицы. Пережитки сословности, низкий уровень образования и бедность тормозили вовлечение широких слоев населения в самостоятельные ассоциации и вынуждали их по-прежнему удовлетворяться принудительными корпорациями, в которых преобладала традиционная народная культура. Это имело серьезные последствия.

Как говорит наиболее популярное в социологии определение, культуру образуют ценности и верования относительно целей, к которым люди должны стремиться, представления о мире и правила или нормы, регулирующие поведение людей в соответствии с их ценностями. Культура создает чувство единства, идентичности членов группы, принадлежности к одному сообществу. Однако между культурами могут существовать различия и обнаруживаться конфликты. Социологи выявили несколько источников культурного конфликта: (1) невозможность для многих людей и целых групп достичь провозглашаемых данной культурой целей законными средствами (так называемая аномия); (2) культурное запаздывание, или культурный лаг, когда темпы

изменения материальной культуры опережают возможности нематериальной культуры приспособиться к ним, или наоборот, когда изменения духовной культуры опережают возможности материальной культуры приспособиться к ним; (3) столкновение культур, если в одном социуме существуют различные культуры, носителями которых являются разные социальные группы, другими словами нарушение единства культуры данного социума.

В современной России наблюдаются все три вида культурного конфликта. В России XVIII — первой половины XIX в. преобладало столкновение культур. Дворянство усвоило западную культуру, а остальные сословия в основном сохранили верность традиционной русской культуре. В результате к началу Великих реформ сложились две основные культуры: прозападная высокая письменная культура, включавшая изящное искусство, классическую музыку, литературу и философию, принадлежавшая дворянской элите; и традиционная, по преимуществу устная народная культура простолюдинов, включавшая фольклор, сказки, песни и мифы. Две культуры различались не только эстетикой, но и системой ценностей и верований, представлениями о мире и правилами поведения. Отношения между ними нельзя описать в терминах «культура»/«субкультура», когда субкультура не отвергает культуру большинства, но лишь в той или иной мере от нее отклоняется. Народная культура была контркультурой, так как находилась в конфликте с культурой господствующего класса и утверждала нормы и ценности, противоречащие основным аспектам господствующей культуры. Народная культура скептически относилась к основополагающим ценностям западной культуры — частной собственности, рынку как регулятору социальных отношений, личному успеху, активному и упорному труду, эффективному и рациональному поведению, прогрессу, материальному благополучию и науке. Российские принудительные корпорации были бастионами народной культуры, а добровольные ассоциации — западной культуры. Отсюда развитие добровольных ассоциаций создавало новую сегрегацию в обществе, тормозило создание условий для возникновения массовой культуры, которая игнорирует особенности классовых, региональных или религиозных субкультур. К счастью, принудительные корпорации в пореформенное время быстро деградировали, и дело не дошло до конфликтов между ними и новыми добровольными ассоциациями.

Добровольные организации являются необходимой составляющей гражданского общества, генезис которого в России восходит к концу XVIII в., а основные элементы — общественное мнение, независимая пресса, политические партии, представительные организации и добровольные ассоциации — в развитой форме появились только в пореформенное время, 1861–1917 гг.* Число добровольных ассоциаций и их общественная активность рассматриваются как показатель зрелости гражданского общества. По этому показателю имперская Россия уступала западным странам. Однако прогресс в XIX — начале XX в. был налицо. Если в конце XVIII в. можно назвать несколько добровольных организаций в каждой из столиц: в Петербурге — Вольное экономическое общество, учрежденное при ближайшем участии

* О развитии гражданского общества в России см.: (Миронов: 196–283).

Екатерины II в 1765 г., Английский клуб (1770 г.), Шустер-клуб, или большой бюргер-клуб (1770 г.), Коммерческое общество (1784 г.), два музыкальных клуба и танцклуб (1785 г.), в Москве — Вольное российское собрание (1771 г.), Английский (1772 г.) и Дворянский клуб (1783 г.) (Клуб б.г.; Клуб 1895), в первой половине XIX в. было учреждено около ста (Кимбэлл 1992: 260–279; Линдермайер 1992: 286), то накануне Первой мировой войны добровольных организаций насчитывалось намного больше пяти тысяч (Ануфриев 1917: 39) — точная цифра неизвестна. В одной Москве в 1912 г. действовало более шестисот ассоциаций*, в Петербурге в 1917 г. — около пятисот (Добровольные общества Ленинграда... 1988: 179). Для сравнения — в Австро-Венгрии 1856 г. насчитывалось 2234, а в 1910 г. — 85 тыс. организаций, только в Мюнхене в 1850-е годы — 150, в конце XX в. — 3000 (Хэфнер 2000: 480–481).

Численность отдельных ассоциаций в России колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек. В *городах* Казанской губернии пореформенного времени источники зафиксировали около 100 ассоциаций, включавших в свои ряды от 60 до 1157 человек (подсчитано по: Зорин, Ключина 2000: 416–467).

Литература

Андреева Т.А. Общественные организации средних городских слоев Урала // Социально-политические институты провинциальной России (XVI — начала XX вв.). Челябинск, 1993. С. 36–51.

Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. М., 1917. Кн. 1.

Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права / Сост. А. И. Елистратов. М., 1916. Ч. 1. С. 15–44.

Аронсон М.И., Рейсер С.А. (сост.). Литературные кружки и салоны. Л., 1929.

Барсуков А. Российское благородное собрание в Москве, по сохранившимся архивным документам. С приложением Правил Российского Благородного собрания 1803 г. и Устава 1849 года. М., 1901.

Бердова О.В. Культурная жизнь Костромы и Костромской губернии по материалам местной периодической печати конца XIX–XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

Бродский Н.Л. (ред.). Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века. М.; Л., 1930.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1968.

Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала: XIX век. Екатеринбург, 1997.

Добровольные общества Ленинграда 1920-х годов // Вопросы истории. 1988. № 3.

* В справочнике «Вся Москва на 1912 г.» насчитывается шестьсот ассоциаций (Bradley 1991: 136–137).

Жулев П. Второй Всероссийский съезд представителей учительских обществ взаимопомощи // Русский учитель. 1912. № 3. С. 253–266; № 5. С. 455–460;

Жулев П. Учительские общества взаимопомощи // Русская школа. 1912. Январь. С. 1–20.

Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин (руковод. проекта). Ульяновск, 2000.

Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929: Из истории науки и культуры на Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

История русской литературы XIX — начала XX века: Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой. СПб., 1993.

К истории Московского английского клуба // Русский архив. 1889. Т. 27. С. 85–98

Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ, 1859–1963 гг. // Великие реформы в России: 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 260–279.

Клуб // Новый энциклопедический словарь. Пг., б.г. Т. 21. Стлб. 914–917.

Клуб // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 15. С. 426–428.

Комиссаренко С.С. Клуб как социально-культурное явление: Исторические аспекты развития: Учебное пособие. СПб., 1997.

Линденмайер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России: 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 283–300.

Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии. Н.-Новгород, 1991.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 2.

Московское купеческое собрание: Исторический очерк / Под ред. В.А. Никольского. М., 1914.

Науменко В. К истории учреждения Киевского Дворянского Собрания // Киевская старина. 1889. Ч. 2. С. 495–499.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2.

Петров Ю.В. Клубные объединения и их роль в консолидации гражданского общества // Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт: Материалы международного симпозиума 31 марта — 1апреля 1995 г. / Под ред. М.К. Горшкова и др. М., 1995.

Пирогова Е.П. К истории уральских научно-краеведческих центров пореформенного периода // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): Материалы Третьей всероссийской научной конференции. Омск, 1998. Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.). С. 61–63.

Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период: Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.

Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Ч. II. С. 185–197.

Пирогова Е.П. Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Ч. III. С. 197–233.

Профессиональные учительские организации на Западе и в России: Сборник статей. Пг., 1915.

Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества // Из истории русской культуры / Сост. Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5 (XIX век). С. 813–824.

Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М., 1994.

Соболева О.Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX–XX вв. (1890–1914) (на материалах Костромской и Ярославской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993.

Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1977.

Степанский А.Д. Материалы легальных общественных учреждений Царской России (середина XVIII в. — февраль 1917 г.) // Археографический ежегодник. 1978. М., 1979. С. 69–80.

Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982.

Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980.

Туев В.В. История клубов Кузбасса. Кемерово, 1996.

Туманова А.С. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов, 2003.

Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков: Учебное пособие. Тамбов, 1999.

Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

Хованский Н.Ф. Немецкий и коммерческий клубы в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Издание Саратовского Общества вспомоществования нуждающимся литераторам. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 353–362.

Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани: 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин (руковод. проекта). Ульяновск, 2000. С. 468–526.

Чарнолуцкий В.И. Список учительских обществ, собраний и клубов, учрежденных до 1907 г. // Русский учитель. 1912. № 4. С. 411–416; № 5. С. 503–509; № 6–9. С. 599–606; № 10. С. 702–725.

Чарнолуцкий В.И. Учительские общества, кассы, курсы и съезды. СПб., 1901.

Bernstein L. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // Goscilo H., Holmgren B. (eds.). Russia – Women – Culture. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. P. 209–224.

Bradley J. Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly, and the Autocracy, 1906–1917 // Taranovski Th. with McInerny P. (eds.) Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 212–236.

Bradley J. Voluntary Associations, Civil Culture, and Obshchestvennost' in Moscow // Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society

and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 131–148.

Friedan N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1865–1905. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Holmgren B. Stepping Out / Going Under: Women in Russia' Twentieth-Century Salons // Goscilo H., Holmgren B. (eds.). Russia — Women — Culture. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. P. 225–246.

Lindenmeyr A. Poverty is not a Vice: Charity Society and the State in Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

Lindenmeyr A. Voluntary Associations and Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1990.

Ruane Ch. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860–1914. Pittsburgh, Penn; London: University of Pittsburgh Press, 1994.

Sandler St. Pleasure, Danger, and Dance: Nineteenth-Century Russian Variations // Goscilo H., Holmgren B. (eds.). Russia — Women — Culture. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. P. 247–272.

Swain G.R. Freedom of Association and the Trade Unions, 1906–1914 // O. Crisp, L. Edmondson (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 171–190.